

Кризисы и поляризация

В выигрыше крайне правые

Статья немецких учёных Мануэля Функе, Морица Шуларика и Кристофа Требеша «Доходя до крайностей: политические и финансовые кризисы 1870–2014» (*“Going to extremes: Politics after financial crises, 1870-2014”*) была опубликована в журнале *“European Economic Review”* пять лет назад, но сохранила актуальность до сегодняшнего дня.

Это исследование представляет большой интерес по ряду причин. Рост популярности популистских движений в результате экономических потрясений вызывает обеспокоенность экспертного и политического сообщества. Кризис 2008 г. и его влияние на события в Евростроне подтверждают печальный опыт 1930-х годов. Исследователи приводят в пример увеличение поддержки крайне правой партии «Национальное объединение» (до 1 июня 2018 г. – «Национальный фронт») во Франции и движения «Золотая заря» в Греции, которое называют «неонацистским». Правые и евроскептики набирают силу и в других европейских странах – Италии, Испании, Великобритании, Финляндии, Германии. Многие двухпартийные системы, которые слаженно работали десятилетиями, стали недееспособными. Статья была опубликована в начале июня 2016 г. – до начала Брекзита, события, ставшего результатом дисфункции парламентской системы Великобритании (старейшей двухпартийной в мире), что подтверждает ценность данного исследования.

Авторы приходят к заключению, что в кризисные времена, когда необходимо твёрдое политическое руководство, поляри-

зация парламентских систем осложняет выход из турбулентности, снижает шансы на проведение глубоких реформ и ведёт к росту конфликтности в политической системе.

Немецкие учёные искали ответ на следующие вопросы: а) возможно ли на основании анализа исторических данных предсказывать динамику развития политических систем в современных демократических государствах после экономических кризисов; б) реально ли выявить изменения в поведении избирателей, которые следуют за серьёзными финансовыми кризисами; в) если такие изменения имеют место, то в какую сторону направлен тренд: усиливаются крайне левые, крайне правые, либо и те, и другие?

Исследователи изучили данные о политических последствиях финансовых кризисов в развитых экономиках с конца XIX века, а также результаты парламентских выборов в двадцати странах за последние 140 лет. Для анализа были использованы данные следующих стран: Австралии, Австрии, Бельгии, Дании, Германии, Греции, Ирландии, Испании, Италии, Канады, Нидерландов, Норвегии, Португалии, Швеции, Швейцарии, Великобритании, США, Финляндии, Франции и Японии.

Кроме того, в работе сравниваются последствия финансовых кризисов и «нормальных» рецессий. Установлено, что финансовые кризисы влекут более серьёзные последствия для политических систем, нежели обычные рецессии, которые оказывают лишь незначительное влияние на распределение сил в парламентах. Авторы также сравнили спады, следующие за финансовыми коллапсами, с последствиями других макроэкономических бедствий и пришли к выводу, что по тяжести воздействия на политику финансовые кризисы действительно выделяются среди других видов экономических шоков.

За финансовыми кризисами следуют серьёзные изменения в поведении избирателей, что, в свою очередь, повышает уровень политической неопределённости. Учёные выявили рост политической поляризации после финансовых катастроф в XIX и в XX веках. Главными выгодополучателями финансовой не-

стабильности являются партии крайне правого толка с их зачастую националистическими и ксенофобскими настроениями. В среднем фиксируется рост их популярности примерно на треть в сравнении с предкризисным уровнем – в отличие от крайне левых сил, которые теряют поддержку в трудные времена.

Вне зависимости от того, какая партия находится у власти, управление политическими процессами осложняется. После Второй мировой войны кризисы политических систем ассоциировались с сокращением правящего большинства, ростом влияния оппозиционных партий и более фрагментированным политический полем, что повышало вероятность смены правительства. За прошедшее время эти тенденции стали ещё более явными.

В посткризисные периоды фиксируется рост протестных настроений: число демонстраций, волнений и забастовок увеличивается.

Исследователи упоминают и другие работы о влиянии финансовых кризисов на политику. В частности, внимания заслуживает эссе 2013 г. Джеффри Чуирота и Эндрю Уолтера «От малых ожиданий к большим: банковский кризис и выживание партий в длительной перспективе» (*Jeffrey Chwieroth, Andrew Walter "From Low to Great Expectations: Banking Crises and Partisan Survival Over the Long Run"*), где изучается риск смены политического руководства. Авторы делают вывод, что сегодня вероятность утраты власти правительством в результате финансового кризиса выше, чем в XIX или в начале XX века. Понимание гражданами того, что правительства способны управлять экономической системой, резко возросло после Великой депрессии и Второй мировой войны.

Учёные уточняют, что по сравнению с другими экономическими бедствиями, финансовые кризисы влекут за собой наиболее разрушительные для политической системы последствия. Почему именно они? Одно из возможных объяснений – нефинансовые спады рассматриваются как катастрофы, имеющие экзогенную природу, как результат воздействия внешних сил, а значит – власть «заслуживает снисхождения». Другое дело – финансовые кризисы: избиратели считают их непроститель-

ным итогом недобросовестного поведения, неверных решений и фаворитизма национальных элит. Электорат обвиняет политическое руководство в неспособности избежать краха. В работе отмечается, что финансовый коллапс может вызвать несбалансированную реакцию правительства и рост неопределённости в отношении последствий антикризисных мер, а это снижает уровень доверия к правящим кругам. Ситуацию часто усугубляют и непопулярные меры помощи игрокам финансового сектора. Финансовые потрясения имеют и социальные эффекты: углубление неравенства, рост разногласий между заёмщиками и кредиторами и так далее.

Хотя исследование охватывает период с 1870 г. и данные двадцати развитых экономик, в нём не представлены показатели развивающихся стран, что обусловлено стремлением получить более точные результаты – авторы изучили только системные банковские кризисы, избегая размытых определений, которые могли включать также волны инфляции, обвалы фондовых рынков, валютные кризисы и суверенные дефолты. Тем не менее сегодня исследование представляет ценность, так как во время пандемии *COVID-19* особенно важно попытаться предсказать развитие событий и минимизировать риски.

В статье были проанализированы результаты 827 парламентских выборов в указанных странах с 1870 по 2014 гг. (из выборки исключены президентские, региональные и локальные выборы и референдумы). Для анализа и расчётов использовались классификация и кодификация левых и правых партий за период с 1919 по 2014 годы. К крайне правым они отнесли экстремистские объединения межвоенного периода (1919–1938), а также «новые правые». Учёные отмечают, что после Второй мировой войны ультраправые отказались от фашистских и антидемократических идей и заняли более умеренную позицию по вопросам этноцентризма, сепаратизма и национализма, а также взяли на вооружение евроскептицизм. К крайне левым были отнесены партии традиционных марксистско-ленинских взглядов, организации, которые выступают за изменение международного

экономического порядка и используют антикапиталистические лозунги («Левые» в Германии), а также евроскептические и популистские партии (например, «Движение пяти звёзд» в Италии). Результаты анализа показывают, что после кризиса симпатии избирателей склоняются к крайне правым, чья поддержка увеличивается на 30 процентов. Для изучения политической фрагментации и поляризации авторы анализируют распределение мест в парламенте, доли правящей партии и оппозиции, число партий, получивших парламентские кресла, а также забастовки, уличные протесты, антиправительственные демонстрации и мятежи.

Таблица 1. Финансовые кризисы, 1870-2014 годы

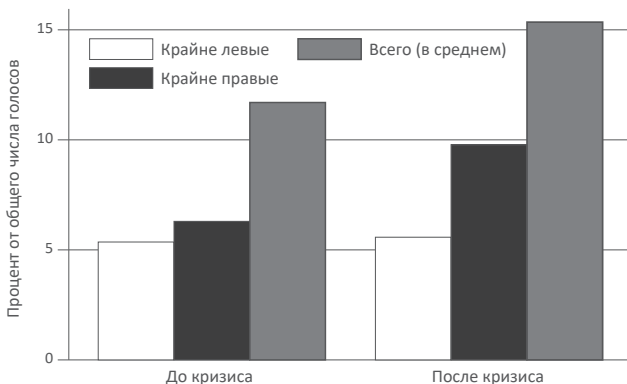
Австралия	1893	1989							
Австрия	1873	1924	1929	2008					
Бельгия	1870	1885	1925	1931	1939	2008			
Великобритания	1873	1890	1974	1984	1991	2007			
Германия	1873	1891	1901	1907	1931	2008			
Греция	1931	1991	2008						
Дания	1877	1885	1908	1921	1931	1987	2008		
Ирландия	2008								
Испания	1883	1890	1913	1920	1924	1931	1978	2008	
Италия	1873	1887	1893	1907	1921	1930	1935	1990	2008
Канада	1873	1907	1923						
Нидерланды	1893	1907	1921	1939	2008				
Норвегия	1899	1922	1931	1988					
Португалия	1890	1920	1923	1931	2008				
США	1873	1884	1893	1907	1929	1984	2007		
Финляндия	1878	1900	1921	1931	1991				
Франция	1882	1889	1907	1930	2008				
Швейцария	1870	1910	1931	1991	2008				
Швеция	1878	1907	1922	1931	1991	2008			
Япония	1882	1990	1904	1907	1913	1927	1992		

Примечание: В таблицы отражены все финансовые кризисы, произошедшие с 1870 г. в 20 странах в данной выборке.

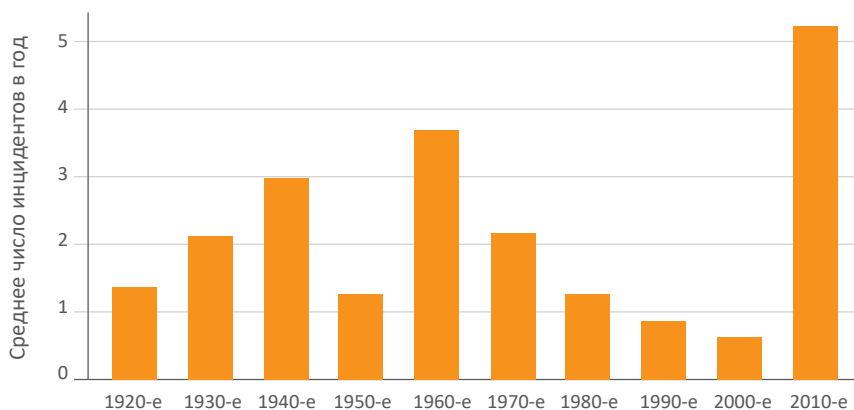
Источник: Funke et al. / *European Economic Review* 88 (2016) 227-260

Исследователи определяют финансовые кризисы как события, во время которых страдает банковский сектор, – происходит массовое изъятие вкладов, резко увеличивается доля невозвращённых кредитов, что приводит к большим потерям капитала, государственному вмешательству, принудительным слияниям и банкротствам. Кроме того, анализируются рецессии – периоды спада между пиковыми и минимальными значениями реального ВВП на душу населения. Немецкие учёные сравнивают политические последствия спадов, следующих за финансовыми кризисами, и нормальные рецессии, чтобы выяснить, как эти события отражаются на политических системах.

Основные результаты: после финансовых кризисов политическая система резко «правее»: растёт популярность ультраправых движений, а поддержка партий крайнего левого политического спектра остаётся на прежнем уровне. Усугубляется поляризация – уменьшается правящее большинство, растёт интерес к оппозиции и увеличивается общее число партий. Раздробленность парламентов и их фрагментация делает процесс принятия политических решений и проведение реформ более сложным, что негативно влияет на посткризисное восстановление. Эта тенденция особенно заметна после Второй мировой войны. Кроме того, количество уличных протестов после финансовых кризисов также растёт, пиковые значения приходится на послевоенный период – с 1960-х по 2020-е годы.

Источник: Funke et al. / *European Economic Review* 88 (2016) 227-260

Источник: Funke et al. / *European Economic Review* 88 (2016) 227-260

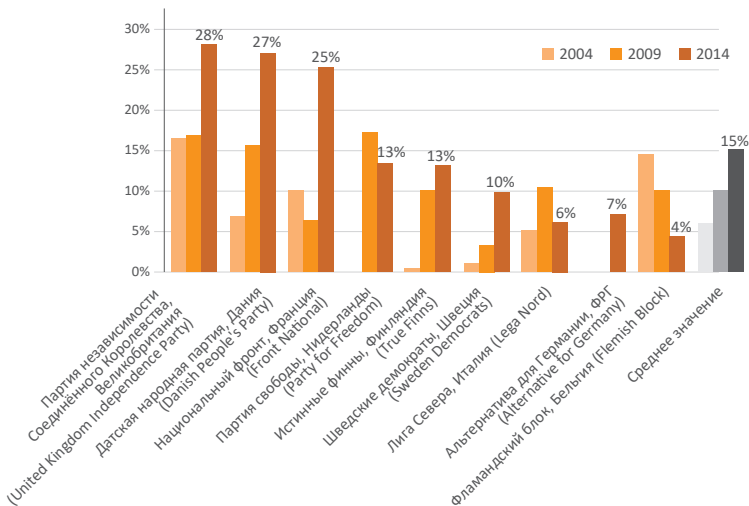
Наиболее ярким свидетельством успеха крайне правых во время и после кризисов является период 1920–1930-х гг., когда к власти пришли Муссолини и Гитлер. В результате потрясений, вызванных банковским кризисом в начале 1920-х гг., и последствий Первой мировой войны на выборах в Италии фашистская партия набрала 19,1 процента голосов в 1921 г. и почти 65 процентов в 1925 году. Исследователи отмечают, что в начале 1930-х гг., когда Великая депрессия ударила по странам Центральной Европы, нацисты получили широкую поддержку в Германии: в 1930 г. это 18,3 процента голосов, в 1932 г. – более 30 процентов голосов и более 40 процентов голосов в 1933 году. И в других европейских государствах ультраправые и нацистские движения усилили позиции: в Испании («Испанская Фаланга» // *“Falange Española”*), Дании («Национал-социалистическая рабочая партия Дании» // *“Danmarks Nationalsocialistiske Arbejderparti”*), Бельгии («Рексистская партия» // *“Parti Rexiste”* и «Фламандский национальный союз» // *“Vlaamsch Nationaal Verbond”*), Финляндии («Патриотическое народное движение» // *“Isänmaallinen kansanliike”*), Швейцарии («Национальный фронт» // *“Nationale Front”*).

Та же тенденция выявляется и после финансового кризиса 2007–2008 гг., когда поддержка крайне правых и популистов

увеличилась более чем вдвое во многих экономически развитых странах, в том числе в Швеции, Великобритании, Франции, Японии, Нидерландах, Португалии и Финляндии.

«Новые правые»	До кризиса	После кризиса	Рост
«Шведские демократы», Швеция	2,9% (в 2006 г.)	5,7% (в 2010 г.)	+2,8% В 2 раза
«Партия свободы», Нидерланды	5,9% (в 2006 г.)	15,5% (в 2010 г.)	+9,6% В 2,5 раза
«Национальный фронт», Франция	4,3% (в 2007 г.)	13,6% (в 2011 г.)	+9,3% В 3 раза
«Истинные финны», Финляндия	4,1% (в 2007 г.)	19,1% (в 2011 г.)	+15% В 4,6 раз
«Старые правые»			
«Национальная фашистская партия», Италия	19,1% (в 1921 г.)	65% (в 1925 г.)	+45,9% В 3,4 раза
«Национал-социалистическая немецкая рабочая партия», Германия	18,3% (в 1930 г.)	43,9% (в 1933 г.)	+25,6% В 2,3 раза

Правильность полученных выводов иллюстрируется и на примере выборов в Европарламент в 2004-м, 2009-м и 2014 годах. График показывает рост популярности правопопулистских движений, при этом пик приходится на период с 2009 по 2014 гг. – последствия финансового кризиса 2008 года. В среднем за десять лет

поддержка правых движений увеличилась примерно в 3 раза. Данные выводы верны не только для Великой депрессии 1930-х гг. и Великой рецессии 2008–2009 годов. Усиление позиций правых после финансовых кризисов авторы иллюстрируют на примере региональных потрясений, в частности финансового кризиса в Скандинавских странах конца 1980-х – начала 1990-х годов.

	До кризиса	После кризиса	Рост
«Партия прогресса», Норвегия	3,7% (в 1985 г.)	13% (в 1987 г.)	+9,3% В 3,5 раза
«Партия прогресса», Дания	3,6% (в 1984 г.)	9% (в 1989 г.)	+5,4% В 2,5 раза
«Новая демократия», Швеция	< 1% (в 1988 г.)	6,8% (в 1991 г.)	+6%

В среднем во всей выборке интерес к правым партиям растёт более чем на 4 процента по сравнению с докризисным периодом.

Далее исследователи иллюстрируют рост фрагментации политической системы после финансовых крахов, который выражается в ослаблении правящего большинства, росте поддержки оппозиции и увеличении числа представленных в парламенте партий. Они приводят ряд примеров того, как кризис 2008 г. повлиял на расклад сил в парламентах, став причиной потери позиций правящих коалиций в Германии, Нидерландах, Бельгии, Японии и других странах. Так, испанские «Народная партия» и «Социалистическая рабочая партия», которые сменяли друг друга у руля на протяжении десятилетий, потеряли более 10 процентных пунктов на выборах в 2011 г. (на выборах 2008 г. они в совокупности набрали 83,8 процента). Кроме того, по итогам голосования количество платформ, представленных в парламенте, увеличилось с десяти до тринадцати, а новые партии «Подemos» (*Podemos* // «[Мы] можем!») и «Сьюдаданос» (*Ciudadanos* // «Граждане») показывают высокие результаты на региональных выборах. В Швеции правоцентристская коалиция превратилась из партии большинства в 2006 г. в партию меньшинства в 2010 году. В других скандинавских странах по-

сле финансового кризиса 1980–1990-х гг. правящие альянсы также ослабли – в Норвегии в 1989 г. и в Дании в 1990 году. В Италии в 2013 г. новая антисистемная партия «Движение пяти звёзд» получила 25,5 процента голосов, что поставило под угрозу возможность эффективного управления. Учёные также проводят параллели с влиянием Великой депрессии на итоги парламентских выборов в 1930-е гг., когда в результате экономических потрясений в парламенты вошло больше политических партий, чем обычно.

Каковы последствия поляризации политической системы? В частности, увеличивается ли нестабильность, когда правительства ослаблены, а парламент фрагментирован? Для ответа на эти вопросы авторы вводят такой показатель, как число крупных политических кризисов в году, определяя его как быстро развивающуюся ситуацию, которая может привести к падению правящего режима. Исследователи выяснили, что в периоды глубокой политической поляризации вероятность смены правительства растёт, что угрожает политической стабильности.

Ещё одним последствием финансовых кризисов становится рост числа уличных беспорядков, которые также указывают на политическую поляризацию.

Как долго могут длиться описанные эффекты финансовой нестабильности? Анализ данных показывает, что негативные воздействия со временем ослабевают. Стабилизация начинается с пятого года после начала шока, а через десять лет показатели возвращаются к докризисному уровню. Долгосрочное последствие финансовых кризисов, которое не исчезает, – увеличение числа парламентских партий.

Заключение

Немецкие исследователи показывают, как финансовые кризисы приводят к политической поляризации, размыванию парламентского большинства и, как следствие, к политическому тупику. Именно это – причина медленного посткризисного восстановления, которое всё больше обсуждается в экспертном

сообществе в последние годы. Интересно, что другие экономические потрясения не приводят к росту поддержки ультраправых – наоборот, электорат сплачивается вокруг правящей партии. Исследователи подчёркивают возросшую ответственность руководителей центральных банков за контроль над событиями на финансовых рынках, так как предотвращение финансовых крахов поможет избежать и политических катастроф.

Исследование ценно с прогностической точки зрения, так как в наборе данных за 140 лет выявлены закономерности, которые можно проецировать на будущее. Однако, к сожалению, авторы не объясняют, почему именно крайне правые (а не левые, например) получают столь широкую поддержку электората. Ещё один пункт в методологии, на который стоило бы обратить внимание, – деление партий по признаку «крайне левые // крайне правые» (*far left // far right*). Учёные упоминают, что строили классификацию платформ и по другим критериям, например, «евроскептические // проевропейские», «либертарианские // авторитарные», но результаты в этих случаях были неоднозначными. Кроме того, в работе представлен анализ развитых демократий, а для понимания процессов современности крайне важно сравнить эти результаты с данными развивающихся стран. Последние увеличивают свою долю в мировой экономике и значимость для международной системы в целом, поэтому было бы интересно узнать, можно ли проецировать на них полученные результаты.

Обзор подготовила Евгения Прокончук, выпускающий редактор журнала «Россия в глобальной политике», аналитик ЦКЕМИ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».